

УДК 355+355.4

КОНЦЕПЦИЯ «АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ» В АМЕРИКАНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ: ИСТОКИ И РАЗВИТИЕ

© 2011 г. **С.Л. Печуров***
НИО Министерства обороны РФ, Москва

В статье анализируются вопросы, связанные с зарождением концепции англосаксонского доминирования на мировой арене. Исследуются источники возникновения постулатов «расового превосходства англосаксов» – откровенно националистической теории, которая в течение почти столетия была весьма популярной в кругах военно-политической и интеллектуальной элиты англосаксонских государств, прежде всего США и Великобритании.

Ключевые слова: *Расовое превосходство, национализм, англы, саксы, кельты, англосаксы, миссионерство, варвары, тевтонские племена, расовый дарвинизм, Британские доминионы, элитарный народ, славянская раса, латиняне, германцы.*

К вопросу о «расовой исключительности» англосаксов

На рубеже XIX–XX веков проявилась новая тенденция в развитии международных отношений, которая заключалась в сдвиге акцентов к всё более нараставшему соперничеству на национальной или расовой почве. Один из британских аналитиков Стюарт Мюррей, в числе первых в тот период подметивший данную тенденцию, писал в 1905 г., что «отныне в системе международных отношений постепенно будет брать верх не соперничество между государствами-нациями, а борьба рас» [34, р. 94–95]. По его мнению, которое разделяли многие специалисты, лишь глубоко укоренившиеся в каждой нации чувства общей крови, ментального единства стимулируют постановку амбициозных целей и выработку решений по их достижению, причём на передний план выходит лояльность не столько своему государственному руководству, сколько своей национальной общности.

Именно в те годы отмечался беспрецедентный подъём национализма в доминировавших в мире великих (европейских) державах – Франции, Германии и России, открыто начавших демонстрировать свою приверженность идеям превосходства соответственно французской («галльской», или «латинской»), германской и русской (славянской) расы. В Великобритании, её «белых» колониях и

* ПЕЧУРОВ Сергей Леонидович – генерал майор, доктор военных наук, профессор, действительный член АВН, член Научного совета при СБ РФ.

доминионах, а также в США в это же время стала весьма популярной теория о «наделённом свыше бремени белых людей», выразившемся прежде всего в расовой миссии англосаксонских народов. К концу XIX века, как отмечал известный на Западе специалист по политической социологии Стюарт Анерсон, «расизм, национализм и империализм были уже настолько переплетены в обществах западной цивилизации, что стало весьма затруднительным разделять их по нюансам... Взятые вместе, они формировали модель эпохи» [8, p. 17].

В среде сторонников концепций «расового превосходства» существовало множество толкований понятия «раса» как таковой. Весьма распространённой в Европе в конце XIX века была теория о том, что в мире существуют только четыре «полноценных» расы: английская, германская, французская и русская, объединяющие в себе все «белые народы». Английская раса, по данной теории, в свою очередь, разделялась либо на две ветви – собственно английскую и американскую, либо трактовалась как единственно существующая в рамках «англоговорящего белого населения».

Строго говоря, и в настоящее время в западном научном мире не существует единого, универсального понимания данного термина. Весьма популярный на Западе социологический словарь Коллинза определяет расу как «дискредитировавший себя научный термин, прежде употреблявшийся для описания биологически отличающихся групп людей, которые, как предполагалось, имели характеристики неизменной природы» [4, т. 2, с. 135]. Данное «выдержанное» определение сформулировано исходя из печального опыта многочисленных войн и конфликтов XX века, наиболее ожесточённые, с многочисленными жертвами из которых были развязаны именно на почве национальной и расовой ненависти.

Западные социологи в настоящее время, считая термин «раса» из области «исключительно сконструированной классификации», предлагают оперировать другими терминами – «этнос», «этническая группа», «народ» и т.д. [4, т. 2, с. 135]. Но это пожелание носит скорее рекомендательный характер, и многие исследователи продолжают применять термин «раса» в научно-публицистических трудах политического, социологического и другого характера. В современном научном понимании идеологию и политику, в основе которой лежат жёсткие «расовые критерии», можно объективно охарактеризовать как «расизм», представляющий собой совокупность концепций об исконном разделении человечества на высшие и низшие расы, т.е. полноценные, являющиеся создателями цивилизации, и неполноценные, способные быть лишь объектом цивилизации. Либо, в крайнем случае, как «национализм», трактующий нацию в качестве элемента той или иной расы, видя в ней высшую внеисторическую форму общественного единства с тождественными интересами всех составляющих её социальных слоёв [3, с. 358].

Особняком от всех дискуссий о национально-расовом превосходстве стояла методически проработанная и целенаправленно осуществлявшаяся в Британской империи и США стратегия убеждения не столько самих себя, сколько других государств-наций в абсолютном превосходстве «англосаксонской расы».

На рубеже XIX–XX веков в англоговорящих государствах мало кто задумывался об опасных последствиях по сути предлагавшейся националистической, или расистской, теории, якобы объяснявшей причины поступательного

развития человечества. Превалировавшая аморфная концепция расы, не имевшая строго научного толкования, да ещё и взятая за основу при объяснении тех или иных процессов развития, естественно, порой вызывала недоумение в наиболее продвинутых средах, причем даже в англосаксонских государствах. Так, американский президент (1901–1909 гг.) Теодор Рузвельт, склонный рассматривать те или иные события и явления на международной арене через призму националистических предпочтений, вполне определенно выражал сомнения относительно «расового критерия» при оценке государственных действий, поскольку, как он считал, все существовавшие определения этого термина имели явные издержки [36]. Тем не менее, в массе своей и британцы, и американцы не стремились искать рациональные объяснения, просто слепо веря в своё превосходство над остальным миром.

Данные настроения не могли быть превалирующими без соответствующих «убедительных» обоснований. Популярный и весьма влиятельный в начале XX века социолог из Колумбийского университета (США) Франклин Х. Гиддингс и многие его последователи считали главной особенностью «англосаксонской расы», делающей её уникальной, «беззаветную любовь к свободе», якобы всегда отличавшую население и выходцев с Британских островов. С. Анерсон приводит в своей работе слова Гиддингса о том, что, «несмотря на личную независимость англосакса, он требовал порядка в обществе... Одновременно для него был характерен и здоровый авантюризм. Он был человеком действия, энергии, сильной воли, обладал упорством в достижении цели. Жажда в покорении новых земель и преодолении новых вызовов вывела в V веке англосаксов из лесов Северной Германии на берега Британии, а через века позвала в Америку, Африку, Азию, на острова Тихого океана» [8, р. 20]. А известный в то время британский писатель-историк, да к тому же влиятельный масон, сэр Вальтер Бесант, которого также цитирует С. Анерсон, подчёркивал: «Мы народ, который где бы ни жил, не изменит своим жизненным принципам и, более того, заставит окружающие его народы жить по своим устоям» [8, р. 130, 131].

По правде говоря, в этих словах была известная доля истины. За 15 лет, в период 1885–1900 гг., территория Британской империи увеличилась на треть. К началу XX века одна пятая часть планеты управлялась из Лондона. Ни одна колония или зависимая территория в мире не могла сравниться по площади и уровню жизни населения с управляемыми белыми англосаксами Канадой, Австралией, Новой Зеландией и Южной Африкой. Более того, даже критики британского империализма не могли оспаривать тот факт, что колонии Великобритании управлялись «достаточно искусно». Она безраздельно господствовала на морях, контролировала наиболее стратегически важные пункты от Гибралтара до Кейптауна, от Суэца до Сингапура. Чувство кровного единства, безусловно, было стержнем, объединявшим белое население всей империи [8, р. 21].

США в рамках западного цивилизационного пространства занимали по размерам территории и численности населения второе после России место, имели самую густую сеть железных и автомобильных дорог, вполне успешно конкурировали на мировых рынках, поставляя наиболее стратегически важные товары: пшеницу, уголь, железо, сталь. Производимый в США совокупный продукт превышал британский и германский, вместе взятые. Американцы за одно столетие покорили Североамериканский континент, разгромили в 1898 г. своего глав-

ного конкурента – Испанию, завладели стратегически важными островными территориями в Карибском бассейне и в зоне Тихого океана [8, p. 22].

Анализируя данные факты, среднестатистический британец или американец не мог не прийти к выводу, что раса, к которой он принадлежит и которая так эффективно правит большей частью мира, просто не может не нести в себе врождённого превосходства над другими народами. Более того, в качестве подтверждения этой исключительности на повестку дня был выдвинут тезис о том, что именно «англосаксонская раса» даёт миру примеры «защищённых индивидуальных прав» и «конституционного правления». Влиятельный американский сенатор Генри Кэбот Лодж прямо заявил: «Должна быть расовая причина тому, что только в англоговорящих государствах успех неизменно сопутствует избираемым правительствам» [14, p. 47].

Такая самоуверенность, снобизм англосаксов, граничащие с самовлюблённостью, естественным образом не могли не подвигнуть их на миссионерскую деятельность, чтобы «поделиться» своим превосходством с «менее счастливыми расами». Упомянутый выше исследователь С. Анерсон без обиняков пишет, что «концепция национальной миссии» вообще в крови «англосаксонской расы», а выходцы из Англии принесли укоренившиеся у них идеи «одаривания счастьем других» и в Новый Свет.

Наиболее ярким представителем данной концепции был некий богослов Джон Уинтроп, внушавший переселенцам идею своеобразного пакта с Богом, якобы наделившего их правом «распространения добра» в колонизируемых землях [42]. Весьма примечательно, кстати, что ярким почитателем трудов Дж. Уинтропа был американский президент Рональд Рейган, считавший их «не теряющими своей актуальности» и поныне.

«Концепция национальной миссии» достаточно быстро приобрела черты явного цивилизационного превосходства «англосаксонской расы», а «расовый» критерий в определении движущей силы развития человечества выдвинулся на рубеже XIX–XX веков в число основных. При этом сформировавшийся тезис о «национальной исключительности англосаксов» стал доминирующим в конкурентной борьбе за лидерство на планете.

Научная база концепции «англосаксонской исключительности»

Выдвижение на повестку дня во второй половине XIX века положения о «превосходстве англосаксонской расы» отнюдь не было спонтанной и эмоциональной идеей, брошенной случайно в западноцивилизационное общество. Это была продуманная, всесторонне обоснованная концепция. В первую очередь, и в этом есть определённая логика подобных процессов, были сделаны попытки поиска исторической подоплёки исключительности англосаксонской расы.

Прежде всего следует подчеркнуть, что героизация англосаксов была не только продуктом идеологических изысканий XIX века. Примечательно, что тезис об «англосаксонской исключительности» либо об их «превосходстве» уже выдвигался элитой вторгшихся в V–VIII веках на территорию нынешней Англии германских племён, сначала немногочисленных ютов, а затем орд англов и особенно саксов в контексте их борьбы с противостоявшими захватчикам

кельтскими племенами, находившимися на приблизительно одинаковом уровне развития с агрессорами. Юты быстро растворились среди более многочисленных племён англо- и саксов, которых с тех пор, памятуя об их почти полной идентичности, в научных источниках именуют как единую германскую племенную общность – «англосаксы», а иногда и просто как «саксы», либо, на шотландский манер, «сассенахи». Забегая вперед, подчеркнём, что в последующем захватчики сами себя стали называть «англичанами», поскольку именно представители знатного рода англо-саксов возглавили переселенцев [7, с. 53]. И лишь в более поздние времена, когда на повестку дня был поставлен вопрос о «национально-расовом» доминировании, различного рода толкователи идей национализма стали вновь называть выходцев с Британских островов по преимуществу «англосаксами».

Вслед за завоеванием скандинавами Англии в VIII веке англосаксы всячески пытались доминировать при формировании элиты вновь зарождавшейся английской народности. Однако очередное вторжение в Англию в XI веке более высокоразвитых выходцев из (континентального) герцогства Нормандия заставило обеспечивших было себе доминирование в стране англо-саксов формально подчиниться и смириться с «перемешиванием» с переселенцами с «континента», что, в конце концов, и привело, как подчёркивает популярный писатель-фантаст, но мало известный в нашей стране в качестве историка Айзек Азимов, к формированию единой нации современных англичан [1, с. 211].

Широко обсуждавшиеся в определённых кругах Англии тезисы о присущих изначально англам и саксам свободах были перенесены колонистами в Америку. Многие лидеры борцов за независимость объединённых британских колоний в Северной Америке были заражены данными идеями. Прежде всего это относилось к автору проекта Декларации независимости и в последующем президенту США Томасу Джефферсону (1743–1826 гг.). Ему же принадлежала идея помещения на Большую (государственную) печать США образов героев англосаксонского эпоса братьев Хенгиста и Хорса, приглашённых вместе с их соплеменниками в V веке вождём одного из кельтских племён (бриттов) в Англию для помощи в защите от других претендентов на местную власть. Примечательно, что эти «герои», прибыв с мощным отрядом сопровождения для обсуждения плана действий, перебили элиту кельтского племени и фактически санкционировали насильственную колонизацию [1, с. 55].

После провозглашения независимости США в 1776 г., сопровождавшегося ожесточённой войной с Великобританией, сначала в правящих кругах нового государства, а затем и в обывательской среде концепция «англосаксонских свобод» всё более чётко начала приобретать расовый оттенок. Так, уже в конце 1830-х годов в печатном органе одной из ведущих политических партий США (Демократической) появился многозначный тезис о том, что «настоятельная обязанность англосаксонской расы заключается в установлении и поддержании такого порядка, при котором наивысшими целями являются права, свобода, ментальные и моральные ценности индивида» [17, р. 211]. В период подготовки и особенно в ходе войны с Мексикой (1846–1848 гг.) страна очутилась под мощным давлением развернувшейся кампании по дискредитации «врагов» при одновременном выпячивании аргументов о «неполноценности мексиканской расы», что якобы делало победу «англосаксонской ра-

сы», превалирующей в Северной Америке, неизбежной. С завершением войны в пользу США националистический угар в стране пошёл на убыль.

Между тем в Европе националистические настроения стали охватывать всё более широкие слои населения великих держав, не исключая и Великобританию. В интеллектуальной среде столиц ведущих европейских стран широкое распространение получили труды французского социолога Жозефа Артура де Гобино, одного из основателей расово-антропологической школы и расистской теории, в которой он выдвигал тезис о борьбе рас как движущей силы развития народов [2, с. 624].

Однако в период, охватывавший годы накануне Гражданской войны в США (1861–1865 гг.), в её ходе и вплоть до 90-х годов XIX века в стране в целом превалировала идеология «англосаксонского превосходства», основанная не на подчёркивании национально-расовых достоинств населявших в своём большинстве Северную Америку выходцев с Британских островов, а на их «глубокой вере в дееспособность институтов свободы», ради чего, мол, они и переселились в Новый Свет, сбежав от деспотических режимов Европы. В этой связи к британскому национализму американцы отнеслись с некоторой долей снисходительности, как к «анахронизму упаднической монархической нации» [8, р. 28].

Параллельно с выпячиванием достоинств нынешних выходцев с Британских островов через представление в выгодном свете своих англосаксонских предков ряд ангажированных историков, философов, социологов, и проч. так называемых учёных по обе стороны Атлантики занялись активным формированием «теории тевтонского происхождения современных англосаксов». При этом под «тевтонами» подразумевались германские племена начала новой эры, являвшиеся предшественниками древних англосаксов. Основной акцент делался на том, что в населявших дремучие леса германских племенах уже тогда были созданы основы демократической социальной организации, ставшей доминирующей на Британских островах в результате вытеснения «расово отсталых британских кельтов». Более того, пропагандисты этой теории доказывали, что именно потомки тевтонов в XVII веке переселились в Америку, где «энергия лесных германцев возродилась путём формирования институтов свободы в Новой Англии» [8, р. 38].

Первой работой, пропагандировавшей позитивную связь тевтонского наследия и современного на тот момент устройства обществ Великобритании и США, был теоретический труд английского историка Джона Митчелла Кэмбелла «Саксоны в Англии», опубликованный в 1849 г. Позже У. Стаббс, Дж.Р. Грин и Э. Фримен сделали акцент на расовой связи современных англичан и различных тевтонских (германских) племён, особенно англосаксов, оккупировавших в своё время остров. Особо следует выделить Уильяма Стаббса, который в ряде своих работ доказывал безусловную пользу для последующего развития страны её оккупации германскими (тевтонскими) племенами и несостоятельность, с точки зрения прогресса, кельтов и тем более латинян [40, vol. 1]. Ещё один пропагандист «тевтонских корней англосаксов», англичанин же Эдвард Огустус Фримен, обвинявшийся, кстати, в незавуалированном расизме, был автором нескольких теоретических работ, в том числе «Истории норманнских завоеваний», выдержавшей 15 изданий (1867–1876 гг.),

называл современную ему Германию «Старой Англией», саму Англию – «Средней Англией», а США – «Новой Англией» [23].

Вслед за англичанами в США также принялись развивать так называемую тевтонскую теорию. Один из пользовавшихся популярностью американских историков того времени Джон Лотроп Мотли призывал обратить внимание на историю Нидерландов, в частности на борьбу голландцев с латинянами за независимость. Он считал, что голландцам как расовым родственникам англосаксов и происходившим также от тевтонов исконно присущи стремление к свободе. Другой американский историк, Фрэнсис Паркмен, всецело полагаясь на теорию о преимуществах одной расы над другой, объяснял этими аргументами победы англичан в Северной Америке над французами в XVIII веке.

Наибольший расцвет в США теория тевтонского происхождения англосаксов получила после того, как к ней обратился один из ведущих американских историков Герберт Бэкстер Адамс, которого финансово и интеллектуально поддерживал известный филантроп и миллионер Джонс Гопкинс. Адамс в своих многочисленных трудах и лекциях проводил мысль о том, что американские политические институты как наиболее передовые в то время якобы берут начало в структурах племенной организации древних германцев, т.е. тевтонов. Один из его учеников, впоследствии ставший президентом США (1913–1921 гг.), Вудро Вильсон писал о том, что «английская раса является единственной расой, которая добилась успеха в образовании и сохранении либеральных форм правления, что является наиболее впечатляющим результатом развития» [41]. Единомышленником и близким другом Адамса был другой известный американский ученый и общественный деятель Джон Фиске, идеи которого были близки американскому президенту (1877–1881 гг.) Р. Хейсу, который дал указание собрать все лекции учёного и представить ему лично в Белый дом для анализа.

В целом, на рубеже XIX–XX веков идеи «англосаксонской исключительности», базировавшиеся на исторических изысканиях американских ведущих историков, нашли широкую поддержку среди интеллектуалов северо-восточных и северо-западных штатов США, где преобладающее население как раз и составляли выходцы с Британских островов, которые, что надо особо подчеркнуть, формировали общественное мнение в США и определяли в то время общий его настрой.

Вместе с тем, несмотря на то что по обеим сторонам океана в научных и научно-публицистических трудах и изданиях того времени встречались различные термины применительно к нациям и народам, определяющим ход мирового развития, таким, например, как «тевтоны», «англичане», «английский» или «американский» народы, в среде обывателей как в Великобритании, так и в США предпочтение отдавалось термину «англосаксы».

Вслед за исторической, относительно безвредной подпиткой постепенно развивавшегося национализма англосаксов концепция об их расовом превосходстве получила мощное так называемое научно-естественное обоснование вследствие опубликования фундаментального труда английского естествоиспытателя Чарлза Дарвина «Происхождение видов путём естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» и, самое главное, его интерпретаций и толкований значительным количеством учёных

практически во всех областях знаний, связанных с развитием человеческой природы как таковой. Ч. Дарвин, убедительно продемонстрировавший, что главным движущим фактором эволюции является естественный отбор, спровоцировал теоретиков расовой сегрегации на «научное» доказательство превосходства одних рас над другими*. Теоретики расизма, таким образом, формально включили в дарвинскую теорию человеческие расы и сделали их предметом борьбы за существование, как и породы в мире животных. Интересно, но мало обсуждаем тот факт, что Дарвин объективно сам поверил в то, что «менее приспособленные» к существованию человеческие расы должны уступить место более развитым в силу тех же законов естественного отбора. Более того, он искренне считал, что «англосаксонская раса» и её североамериканская ветвь есть сверхраса. В одной из своих поздних работ он писал, что ошеломляющий прогресс США и менталитет населяющего эту страну народа является подтверждением законов отбора [18, vol. 1, p. 179].

Со времени появления данного тезиса, предложенного таким авторитетом в научном мире, каким был Ч. Дарвин, теория эволюции, начавшаяся с объяснения изменений в биологическом мире животных и растений, быстро распространилась и на мир людей. В развитии данной теории именно под этим ракурсом самое активное участие принял другой авторитет в науке и ярый поклонник Дарвина британский философ и социолог Герберт Спенсер (1820–1903 гг.), который в качестве основного закона социального развития считал выживание наиболее приспособленных обществ. Применяя дарвинские и псевдодарвинские термины, последователи Дарвина и Спенсера в Европе и в Северной Америке с успехом применяли теорию эволюции к объяснению соперничества государств, наций и рас на международной арене.

Так, авторитетный британский социолог Бенджамин Кидд в 1894 г. опубликовал работу «Социальная эволюция», которая, как считается, стала наиболее солидным вкладом в адаптацию дарвинизма к международным отношениям. В своём труде, выдержавшем только в США десять изданий и распространённом в Великобритании миллионным тиражом, Б. Кидд доказывал, что человеческие общества подвержены тем же самым биологическим законам, что и животные, а регулятором соперничества рас является война. Кидд писал, что «в недалёком будущем англосаксы продемонстрируют своё безапелляционное влияние в мире» [28, p. 300, 301].

Весьма существенным фактом в тот период, с точки зрения подпитки теорий превосходства англосаксонской расы, стало подключение к данному процессу клерикалов. Особое место в теологическом обосновании исключительности англосаксов занимали труды представителя одной из протестантских церквей США пастора Джошуа Стронга. В отличие от многих священнослужителей он не находил в дарвинизме чего-либо существенного, противоречащего протестантской теологии. В своих главных теоретических трудах «Наша страна» и «Наша эпоха», и поныне весьма популярных среди рядовых и про-

* Имеющийся в подзаголовке главной работы учёного термин «*Favoured Races*» переведён на русский язык как «благоприятствуемые породы», но не «расы». И это не случайно: Ч. Дарвин изначально под данным термином подразумевал специфику и различия жизни животных, а не людей. Хотя двойное толкование английского термина формально допускается, но русский перевод более точен.

двинутых читателей и специалистов по обе стороны Атлантики, Дж. Стронг пытался совместить дарвинизм и христианскую религию, утверждая, что «последние достижения науки, объясняющие неизбежность триумфа передовых рас, являются не чем иным, как откровением плана Бога по обеспечению прогресса человечества» [39, р. 203]. При этом он утверждал, что «англосаксонская раса, в частности её американская ветвь, является проводником Божьего промысла на Земле» [39, р. 161]. Однако в отличие от многих теоретиков расового соперничества Стронг как истинный теолог не считал войну обязательным инструментом торжества англосаксов. По его мнению, своих целей англосаксы могут добиться и мирным путём. Но тут же утверждал, что конечным результатом борьбы за существование в эволюционном процессе будет главенство англосаксов на планете. Подчеркнём, что «расовый дарвинизм», поддержанный достаточным количеством представителей науки и церкви, стал весьма популярным по обе стороны Атлантики. Один из исследователей данного явления, француз Виктор Берард даже подметил, что «подходы расового дарвинизма вошли в плоть и кровь британской нации в целом» [10, р. 279].

Таким образом, под концепцию «англосаксонской исключительности» была подведена солидная «научная» база, что обусловило её активное, поступательное продвижение по пути националистической, расистской идеологии, так или иначе ощущаемой и в настоящее время.

Стимуляторы роста англосаксонского национализма

На рубеже XIX–XX веков фактически одновременно зародились, получили развитие и в конце концов оформились в самостоятельные области социальной действительности три процесса, существенным образом повлиявших на усиление «расовой самоидентификации» белого населения США и Британской империи и широкое последующее распространение идей «англосаксонской исключительности». Это – имперское федеративное движение в Великобритании; резко активизировавшийся иммигрантский поток в США; принципиально новое, с националистическим уклоном, направление в англоязычной литературе.

Целью имперских федералистов ставилась трансформация разобщённых элементов Британской империи в интегрированное, центрообразующее государство. Главным содержанием данной кампании было обыгрывание тезиса о «расовом доминировании англосаксов» [33].

Формально первым теоретическим трудом, в котором были изложены идеи формирования объединённого государства англосаксов, стала изданная в 1860 г. в США книга «Англия и Америка». Затем, начиная с 70-х годов XIX века, свет увидела серия трудов, прежде всего британских историков и философов, посвящённых данной проблеме и нашедших широкий отклик по обе стороны Атлантики. В этой связи следует выделить труды Чарлза У. Дилке «Более великая Британия» (1868), Дж. Сили «Экспансия Англии» (1883) и Джеймса Фрауда «Океана или Англия и её колонии». Ч. Дилке в своём труде предрекал времена, когда «Америка, наконец, займется экспансией». Он откровенно писал о том, что «саксы завоюют Африку, Китай, Японию и Латинскую Америку... другие же так называемые великие державы будут низведены до уровня пигмеев» [20, р. 572, 573, 197, 198]. Дж. Сили и Дж. Фрауд полностью разделяли взгляды Ч. Дилке.

Пожалуй, наибольший вклад в дело пропаганды идей англосаксонского федерализма и их воплощения в жизнь внёс ярый английский националист Сесил Родс. В своём написанном ещё в юношеском возрасте и ставшем в последующем знаменитом завещании он подробно изложил план не только расширения владений Великобритании, широкую оккупацию ею Африканского континента, но и превращения США в интегральную часть Британской империи, что, по его мнению, должно было положить конец войнам за передел мира. По мере роста мощи североамериканцев он стал, с оговорками, допускать возможность перехода всех англосаксонских образований под эгиду США, если не будет предложено другой конструктивной идеи формирования «элитарной расы» [8, р. 50]. В качестве практического шага Родс, будучи весьма богатым предпринимателем, на свои деньги в 1893 г. организовал специальное учебное заведение для молодых белых людей из британских колоний и доминионов для подготовки будущей элиты федерации, а затем расширил приём в неё за счёт студентов из США. Он твёрдо верил, что его мечты об англосаксонском государственном союзе в конце концов реализуются.

Многонациональные США на первых порах без энтузиазма встретили идеи о создании федерации. Однако влиятельная в стране англосаксонская элита постепенно начала проявлять интерес к этому проекту. За дело пропаганды идей союза англосаксов взялся известный в США промышленник и филантроп Эндрю Карнеги (1835–1919). Он наивно полагал, что в Великобритании вот-вот должна произойти смена режима, в результате чего «новая республика вступит в Американский союз». По мнению Карнеги, «расовое англосаксонское единство двух стран в конце концов положит конец формальным разногласиям и в один прекрасный день американцы и британцы станут реально одним народом» [15, р. 661].

На рубеже XIX–XX веков среди белой элиты США, представлявшей собой выходцев не только из Англии, но и из Шотландии, Уэльса и Ирландии, особенно популярны были идеи Э. Карнеги о включении всех составных частей Соединённого Королевства в состав США на правах штатов и на равных условиях. Примечательно, что в Лондоне данные тезисы американского филантропа были встречены, что называется, в штыки. Тем не менее, Э. Карнеги, разделявший в целом взгляды своих британских единомышленников на оптимальное устройство мира, как и они, полагал, что единственным путём устранения опасности войн является всеобщее англосаксонское доминирование в мире.

Резкий всплеск иммигрантского потока в США, главным образом из бедных стран Южной и Восточной Европы, в 1890-е годы стал вторым фактором, стимулировавшим рост англосаксонского национализма. Начавшееся смещение акцентов в движении иммигрантов в Северную Америку впервые было отмечено в начале 1880-х годов, а уже в начале XX века появились первые данные о том, что соотношение въехавших в США переселенцев резко изменилось не в пользу потомков германцев-тевтонов из Великобритании, Германии и Скандинавии. Драматическими, с точки зрения англосаксонских националистов, стали первые годы XX века: 300 тыс. человек из беднейших европейских стран в 1900 г., 600 тысяч – в 1903, а уже в 1907 – более 85% всех переселенцев составляли «негерманские» переселенцы [8, р. 54].

Многие иммигранты, искавшие выход из безнадёжного положения, обратились к социалистическим идеям протестного толка, что также не могло вызывать к ним симпатий со стороны англосаксонской элиты американского общества. В этой связи довольно быстро недовольство «коренных» американцев получило явно националистическую и расистскую окраску.

Рост антииммигрантских настроений в американском обществе в тот период, да ещё с националистическим уклоном, в значительной степени подпитывался и усиливавшимися по мере активизировавшегося освоения «Дикого Запада» по существу расистскими проявлениями в отношении индейцев и эскимосов, не испытывавших, естественно, восторга в связи с захватом белыми их земель и угодий. Ещё в середине XIX века среди гуманистически настроенной интеллектуальной элиты Европы широкое распространение получили негодование и резкие протесты в связи с настоящим геноцидом в отношении коренного населения Северной Америки со стороны белых, по преимуществу англосаксонских «искателей лучшей жизни» в западных и северных (Аляска) районах США. Такому негативному отношению «просвещённой Европы» к неприкрытой «белой экспансии» во многом способствовали печатные труды известного и весьма влиятельного французского политического философа Алексиса де Токвиля, в течение длительного времени изучавшего ситуацию на «цивилизуемом Диком Западе» США. Де Токвиля возмущало лицемерие американского общества, так много формально заботящегося о морали и филантропии, но совершенно равнодушного к судьбе аборигенов [5].

Тем временем под антииммигрантские настроения в США стала подвигаться и теоретическая база.

Один из ведущих на рубеже веков американский историк Джеймс Хосмер, подыгрывая националистическим настроениям элиты, в одном из своих популярных трудов откровенно указывал на тот факт, что «демократические и либеральные основы американского общества не могут быть обеспечены без доминирования англосаксов» [27, р. 55]. А один из ведущих американских экономистов Эдвард Росс предупреждал, что «американцы будут обречены на самоубийство, если не остановят приём огромных масс людей низшей расы» [8, р. 56].

Борцы за ограничение потока иммигрантов охотно воспользовались аргументами расового дарвинизма. Фрэнсис Уолкер, занимавший высокий пост президента Массачусетского технологического института, как-то заметил, характеризуя новых иммигрантов: «Это – побитые судьбой люди никчёмных рас, представляющие отбросы борьбы за существование» [9, р. 56]. Другой известный американский политолог и редактор популярного журнала «Атлантик мансли» Томас Б. Олдрич опубликовал на страницах журнала поэму под названием «Неохраняемые ворота», в которой сравнивал иммигрантов с полчищами готов и вандалов, сокрушивших Рим [9, р. 56].

Особенно мощной была оппозиция иммигрантскому потоку в Новой Англии, исторически сформировавшейся на Восточном побережье США области, куда прибыли и где разместились первые поселенцы из Европы, в основном из Великобритании. В 1894 г. в Бостоне началась мощная кампания с целью ограничения иммиграции на государственном уровне. Была сформирована так называемая Лига ограничения иммиграции, первым президентом которой был

избран широко известный в стране и за рубежом историк и политолог Джон Фиске, а вице-президентом – Ф. Уолкер. В эту организацию, быстро ставшую популярной в других штатах, за короткий срок были приняты многие сотни членов. Несмотря на то что руководству Лиги так и не удалось обеспечить законодательное ограничение иммиграции, её пропагандистская деятельность вплоть до расформирования накануне Первой мировой войны будоражила общественное мнение, способствуя росту национализма и постоянному выпячиванию тезиса об «исключительности англосаксов».

Вместе с тем, нельзя не упомянуть и о том, что немалое число влиятельных в США и за их пределами политиков, писателей, учёных и проч. выступали против роста национализма. Среди них такие известные люди как Уильям Джеймс, Эдвард Эверет, Джошуа Ройс, Чарлз Эллиот, Томас Хиггинсон и другие, – те, кто продолжал верить в эффективность «плавильного котла» в Америке, в котором перемешивание культур переселенцев идёт только на пользу развитию страны.

Вторая половина XIX века и особенно рубеж веков были отмечены формированием нового направления и в англоязычной литературе, в котором доминирующую роль начали играть писатели-националисты. Среди известных литераторов той поры, безусловно, выделялся британский прозаик, поэт и философ Дж. Редъярд Киплинг (1865–1936), внёсший значительный вклад в пропаганду «англосаксонской исключительности». Будучи ярким английским националистом, он, тем не менее, был чрезвычайно популярен и в Северной Америке. Достаточно сказать, что с 1890 по 1898 г. в США имело место 35 изданий и переизданий его произведений. И это при том, что отношение Киплинга к американцам было далеко не однозначным. Он порой публично в негативных тонах отзывался о «вульгарности, материализме и вообще отсутствии культуры как таковой в США» [9, р. 58]. Однако американцы пропускали данную критику, что называется, мимо ушей, ибо его литературные и философские труды внесли ни с чем не сравнимый вклад в дело популяризации во многих странах мира идеалов англосаксов.

Влиянием националистических философских изысканий Киплинга были заражены и многие известные американские писатели, например Джек Лондон (1876–1916) и Фрэнк Норрис (1870–1902). Они были хорошо знакомы с сутью распространявшихся в те годы расовых теорий и под тем или иным соусом воспевали их в своих произведениях. Дж. Лондон всегда идеализировал Киплинга как личность и как писателя-философа. Особенно в первых известных литературных трудах писателя весьма заметно киплингское влияние. Дж. Лондон был знаком с трудами Б. Кидда по расовому дарвинизму, разделял его взгляды относительно «англосаксонской исключительности» и воплощал их в своих трудах [9, р. 86, 87]. Так, в его известном произведении «Дочь снегов» один из героев, которому явно симпатизирует автор, восклицает: «Мы не Боги, но избранные Природой люди, мы англ и саксы, норманны и викинги, а Земля принадлежит нам по наследству. Давайте поднимемся и пойдём вперед!» [30, р. 77]. В произведениях писателя положительные герои всегда были типичными англосаксами.

Ф. Норрис, как и Дж. Лондон, находился под сильнейшим влиянием Киплинга. Ещё обучаясь в университете, будущий знаменитый писатель заинтере-

совался древней литературой англо- и саксов, особенно их сагами. В своих трудах он часто затрагивал тему «расового инстинкта». В его первом романе, опубликованном в 1898 г., один из главных героев явно с восторгом произносит следующую тираду: «Где-то в глубине сердца каждого англосакса скрыт инстинкт грабителя его предка викинга, инстинкт, который за тысячи лет... так и не был утрачен!» [43, р. 265]. В своём наиболее известном литературном труде «Спрут» Норрис умышленно противопоставляет внешне привлекательных, мужественных и честных англосаксонских фермеров «дегенеративным» работникам из числа мексиканцев и португальцев.

Эти писатели своими работами вносили существенный вклад в рост националистических настроений и в дело пропаганды «англосаксонской исключительности».

Вызовы доминированию англосаксов

К началу XX века националистические идеи окончательно охватили не только обывательскую среду, но и политические и интеллектуальные круги государств и колоний-доминионов, где правящую элиту составляли выходцы с Островов, как в просторечии именовали Великобританию, традиционно дистанцировавшуюся от «континента», т.е. остальной Европы. Сторонники борьбы за превосходство «англосаксонской расы» исходили в основном из теории, базирующейся на дарвинистской концепции международных отношений, которая была мощным аргументом в пользу англо-американской солидарности.

Как писал популярный на обоих берегах Атлантики американский историк Дж.Б. Адамс: «Перед нами (США и Англией. – *С.П.*) единственный путь: мы должны отстаивать наши общие идеи и институты во имя общей расы» [8, р. 63]. Достаточно влиятельный в тот период в англосаксонском мире министр юстиции Канады Дэвид Миллс считал, что судьба Соединённых Штатов «неразрывно связана с расой, к которой они принадлежат и будут принадлежать, ради которой они живут и действуют, которая, наконец, является их сутью» [32, р. 738].

Эти авторитетные политические деятели и учёные были убеждены в том, что именно нации и расы являются соперниками в борьбе за мировое лидерство. Влиятельнейший английский политический деятель Артур Бальфур, один из тех, кто определял политический курс Лондона на рубеже веков, предсказывал близкое будущее, когда весь мир будет поделен между несколькими великими «расовыми государствами»: англосаксонским, славянским, германским, латинским, азиатским, турецко-мухаммеданским (исламским) и южноамериканским. Причём ведущим государственным образованием на Земле, разумеется, станет нечто в виде объединения Британской империи и США.

Более популярным на Западе было мнение о том, что мир, скорее всего, будет поделен между «великими расами» Запада. Так, один из американских аналитиков чётко выписал главных действующих игроков на международной арене на рубеже XIX–XX веков: «Мир теперь с практической точки зрения принадлежит или контролируется пятью государствами-нациями: Британской империей, США, Россией, Германией и Францией... Малые так называемые суверенные государства выступают лишь в роли сателлитов, вращающихся вокруг больших политических планет» [21, р. 9].

Действительно, в начале XX века эти пять великих держав контролировали четыре пятых поверхности Земли и управляли двумя третями её населения. Из данного постулата англосаксы логически сделали вывод о том, что объективно их непосредственными конкурентами – соперниками за мировое господство являются Франция – наиболее сильный и энергичный представитель «латинской расы»; Германия – «тевтонские кузены» англосаксов, и Россия – лидер «славянской расы» [8, р. 63]. При этом с точки зрения геополитики британская и американская элиты расценивали «латинян» как наименее сильную из влиятельных мировых рас. Американский президент Теодор Рузвельт считал, что «Франция неумолимо сползает вниз по пятам Испании» [10, р. 65].

С Германией и в целом с «германской расой» (наследниками тевтонов) дело обстояло несколько иначе. Англосаксов откровенно настораживало стремление их германских «кузенов» потеснить на мировых рынках британскую торговую буржуазию, для чего якобы Берлин и объявил о начале реализации масштабной кораблестроительной программы. В этом полную солидарность с британцами проявили американцы. Политики в Вашингтоне открыто говорили о том, что США окажутся перед лицом катастрофы, если Германия выиграет в борьбе за главенство на морях. Такие оценки были распространены в связи с тем, что растущий экспансионизм США требовал военно-морского обеспечения. Конкретно американцев беспокоило то, что Германия всё пристальнее начала взирать на сферу безраздельного было влияния США – Южную Америку. Весьма авторитетный американский государственный деятель Генри Кэбот Лодж в феврале 1900 г. заявил, что ему известен главный объект германской экспансии. Это – богатая природными ресурсами Бразилия, и якобы поэтому Берлин выступил с нападками на доктрину Монро [10, р. 67]. Опасения Лоджа разделял и ставший в следующем году президентом США Теодор Рузвельт.

Но в наибольшей степени сторонников концепции «англосаксонской исключительности», причём как среди теоретиков, так и политиков, беспокоила Россия. С. Анерсон приводит примечательный анализ, аккумулирующий отношение англосаксов к России на рубеже XIX–XX веков: «Трудно выразить словами ужасающее впечатление, которое производил на британцев и американцев Русский колосс. Они рассматривали экспансию Российской империи как почти космическое явление, несущее в себе гигантскую стихийную, непреодолимую силу, которая затрагивает всех и каждого, кто становится на её пути. Будь то государственные деятели или философы, все они сравнивали русскую экспансию с движением ледника, вышедшего с Севера и ежегодно увеличивающегося в объёме и набирающего всё больший вес» [8, р. 68].

Простого взгляда на карту мира было достаточно, чтобы понять одну весьма важную для англосаксов вещь: на всём протяжении своих границ Российская империя вступала в конфронтацию с империей Британской. Даже несмотря на то, что проигранная Крымская война (1853–1856) и «украденная» (по результатам Берлинского конгресса) победа в русско-турецкой войне (1877–1878) и остановили формально продвижение русских на юг, в Лондоне и Вашингтоне всерьёз опасались, что Россия в один прекрасный день, наплевав на договоры, всей своей мощью устремится в этом «чувствительном» для Европы направлении, как она это сделала на обширных азиатских пространствах.

Аналитики Великобритании и США как из числа теоретиков, так и практиков, заражённые идеями расового дарвинизма, принялись рассуждать о присущих «славянской расе», и прежде всего русским, тех или иных черт и отличительных особенностей, которые должны учитываться в военно-политическом планировании. Само собой разумеется, что расовые характеристики русских, данные им сторонниками «англосаксонской исключительности», не могли быть лестными. По их мнению, «типичный русский мужик» (а именно крестьяне составляли подавляющее большинство населения империи и, естественно, главную солдатскую массу) обладал такими чертами, как скрытность, индифферентность, недостаток предприимчивости, суеверность, набожность. Один из «специалистов» в расовом вопросе утверждал: «Раса славян, с одной стороны, невежественная, вялая и раболепная, а с другой – характеризуется терпением и мужеством. Славяне имеют склонность к подчинению, приемлют внешнее управление и в то же время обладают большим энтузиазмом и несгибаемой волей» [6, р. 358]. Из-за совокупности этих черт русские крестьяне, будучи мобилизованы, якобы с лёгкостью подчиняются командирам и превращаются в «нерассуждающий» мощный кулак военной машины страны. Уж если такие солдаты пришли в движение, благодаря своему терпению, стойкости и беспрекословному повиновению, их уже невозможно остановить [1, р. 13].

Под пропаганду негативного отношения Запада к русским подводилась теория относительно того, что, мол, столкновение между англосаксами и славянами является содержанием борьбы идеалов свободы и деспотизма, особенно характерного лидеру славян – России. Более того, негативное отношение англосаксов к русским усугублялось присущей якобы вторым идеологии так называемого расового мессианства, что, памятуя о параллельном мессианстве англосаксов, делало противоборство обеих «рас» неизбежным.

Так, американский президент (1929–1933) Герберт Гувер заявлял о том, что «русские – это азиаты, которые вообще не являются частью западной цивилизации» [9, р. 27]. В Великобритании и США было широко распространено мнение о том, что русская экспансия представляет собой «последнюю волну варваров из Азии» [10, р. 69]. Клерикальный расовый дарвинист американский пастор Джошуа Стронг подчёркивал, что русский, несмотря на внешний европейский вид, по натуре чистый азиат. В этой связи он ссылаясь на известный афоризм Наполеона: «Поскреби русского как следует и обнаружишь татарина!». Американский социолог Франклин Гиддингс сравнивал русских с «шайкой азиатских варваров», которых небезызвестный вождь гуннов Атила привёл в V веке под стены Рима [10, р. 69]. Аналогичные высказывания можно было найти и в других «теоретических» трудах [4, р. 886, 891, 892].

Но некоторые представители англосаксонской элиты не столь резко характеризовали своих «расовых конкурентов» – русских и даже пытались найти рациональное зерно в поведении России на международной арене. Так, американский историк Генри Адамс, согласившись с прогнозом своего французского коллеги А. де Токвилля, предположил, что в будущем мир будет поделен между Россией и США [5, р. 200]. Другие аналитики полагали естественным факт продвижения русских на Восток, к Тихому океану, в поисках жизненных пространств, поскольку англосаксы делали то же самое, двигаясь к тому же океану с Запада. Проблема же состояла в том, полагали они, что обеим расам якобы не

избежать столкновения, скорее всего, из-за сфер влияния на Дальнем Востоке, конкретно в Китае. А весьма авторитетный и почитаемый как в США, так и Великобритании профессор Ф. Гиддингс, рассуждая о влиянии победы США над Испанией в ходе Испано-американской войны 1898 г., сделал предположение о том, что «главный вопрос XX века будет состоять в том, какая раса, англосаксы или славяне, навяжут миру свою цивилизацию» [10, p. 71].

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков прагматичная американская и британская политическая элита, воспитанная на постулатах расового дарвинизма, проанализировав возможные вызовы стремлениям доминировать на международной арене и перебрав потенциальных конкурентов, пришла к выводу: именно «славянская раса» и её авангард – Россия представляют реальную угрозу доминированию англосаксов (*Pax Anglo-Saxon*).

Реализация концепции «англосаксонского доминирования» в начале XX века

Проникнувшаяся идеями расового дарвинизма и псевдонаучными историческими теориями относительно своей исключительности англосаксонская элита Британской империи и США в начале XX века начала воспринимать Россию в качестве основного соперника. Во многом провоцирующую роль играла быстро прогрессирующая Япония, также считавшая Россию главным конкурентом в колонизации территорий региона. В данном случае имело место явное сложение интересов Японии и англосаксонских государств вокруг ещё не освоенных по-настоящему, но сулящих громадные дивиденды региональных рынков, прежде всего многомиллионного Китая.

США вначале не слишком были озабочены этим фактом. Так, будущий президент Теодор Рузвельт даже публично высказался в том плане, что, мол, экспансия России в Азии не может повредить англосаксонским устремлениям в ещё не колонизированных пространствах Австралии и Африки [10, p. 77]. Однако устами влиятельного в кругах англосаксонской политической элиты канадского министра юстиции Дэвида Миллса было проартикулировано следующее разъяснение Вашингтону по поводу ситуации на Дальнем Востоке: «Это не проблема в отношениях Англии и России, это вопрос об отношениях саксов и славян. Опасность направлена не на государство, а на расу, к которой мы все принадлежим!» [32, p. 739]. Британцы начали прессинговать своих североамериканских «братьев по расе». Первое официальное предложение Вашингтону о тесном взаимодействии поступило из Лондона в 1898 г. буквально на следующий день после того, как русская эскадра бросила якорь в Порт-Артуре [10, p. 151].

Особую активность, пытаясь склонить американцев на свою сторону, вплоть до заключения военного союза, проявил министр колоний Дж. Чемберлен. Он во всеуслышание провозгласил: «Я отказываюсь говорить о США как иностранной державе: у нас общие тело и кровь!» [24, vol. 2, p. 334]. Одновременно он стремился взбудоражить американскую общественность, педалируя тему опасных последствий экспансии России. Так, Чемберлен предупреждал о том, что «настанет день, когда сотни тысяч китайцев и татар, оснащённых русским оружием и обученных русскими офицерами, до крайней степени уси-

лят русскую армию. И если это печальное событие произойдёт, Британия будет вынуждена в одиночку противостоять ей без каких-либо надежд на успех» [24, vol. 1, p. 252, 253].

Но и этого показалось мало озабоченным «русской экспансией» британским политиком. Тот же Чемберлен не был уверен в том, что объединённая мощь англосаксов на том отрезке времени была в состоянии противостоять русским. Он лично в 1898–1899 гг. вёл переговоры с германскими дипломатами относительно возможности создания «Тройственного союза» в составе Великобритании, США и Германии, направленного против России.

Помимо этого, архитекторы британской, по сути империалистической, политики, методично добиваясь цели по вовлечению в свою орбиту США, любыми путями пытались «гасить» в обществе антиамериканские настроения, вызванные развязанной в 1898 г. Вашингтоном войной с Испанией для захвата её заморских территорий. В этом преуспели упоминавшийся Дж. Чемберлен и другой влиятельный представитель лондонского истеблишмента А. Бальфур, которые в зародыше пресекали любые попытки оппозиции конъюнктурно выступать с осуждением США [13].

Ярым сторонником «англосаксонского экспансионизма» выступал известный американский военный стратег и геополитик контр-адмирал А. Мэхэн, полагавший, что в предстоящем неизбежном столкновении рас на Дальнем Востоке сойдутся «тевтонские страны» – Германия, Великобритания и США, с одной стороны, и союз славян и латинян (т.е. французов) – с другой [10, p. 162]. В опубликованном им в 1900 г. многостраничном труде «Проблема Азии», через всю работу красной нитью проходила мысль о том, что будущий неизбежный конфликт «обещает быть не столько войной между государствами-нациями, сколько между большими группами населения – расами» [7, p. 18, 46].

И всё же, подчёркивает социолог С. Анерсон, всего этого оказалось явно недостаточно. Американцы в большинстве своём не желали быть вовлечёнными в возможную крупномасштабную войну на Дальнем Востоке, даже в случае втягивания в неё кровно близких им британцев. Не вызывали у американского обывателя симпатий к своим «братьям по расе» и жестокие расправы британских колонизаторов над бурами в Англо-бурской войне (1899–1902) в Южной Африке. В целом, в этот период в Вашингтоне преобладали настроения «изоляционизма», невмешательства в международные кризисы. Более того, периодически даже отмечались всплески англофобии. Генри Кэбот Лодж, долгое время не сходивший с внутривнутриполитической сцены США в качестве одной из ведущих фигур и считавшийся самым близким другом Т. Рузвельта, попытался даже организовать в стране мощную антибританскую кампанию, обвинив Лондон во вмешательстве во «внутриамериканский конфликт в Венесуэле» (1895–1896) и в стремлении подорвать основы чувствительной для Вашингтона доктрины Монро. Он пригрозил захватом Канады, если британцы не умирят свой пыл [10, p. 79]. Теодор Рузвельт, ставший в 1901 г. президентом США, поначалу вообще не скрывал своих антибританских настроений, порой бравируя тем, что в нём «не течёт ни капли английской крови» [9, p. 131]. Однако методически выверенные шаги официального Лондона постепенно стали приносить дивиденды.

Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война стала в том числе следствием сложной многоходовой игры Лондона, вовлёкшего в неё в конце концов и Вашингтон. Совместными усилиями обеим англосаксонским державам «руками» всесторонне поддержанной ими Японией удалось нанести, как они посчитали, чувствительный удар по своему «заклятому расовому врагу» – России, что имело существенные геополитические последствия.

Всё последующее развитие мировых событий свидетельствовало о живучести зёрен национализма и расизма, посеянных на рубеже XIX–XX веков. В течение XX столетия, несмотря на демонстрируемую сдержанность и даже исключение из лексики нынешних политиков и учёных США фразеологии об «англосаксонской исключительности», постулаты этой доктрины питали многие концепции американских идеологов о посланной свыше миссии Соединённым Штатам быть мировым лидером и даже гегемоном в международных делах, преподать другим народам уроки демократии и научить нации, особенно «слабые» или «несостоявшиеся», государственному строительству по англосаксонским рецептам.

Список литературы

1. *Азимов А.* Англия: от Стоунхенджа до Великой Хартии Вольностей. М.: ЭКСМО. 2009. 382 с.
2. Большая Советская энциклопедия. Т. 6. М.: Советская энциклопедия. 1971.
3. Большая Советская энциклопедия. Т. 17. М.: Советская энциклопедия. 1974.
4. Большой толковый социологический словарь (Collins). В 2-х т. / Под ред. Дэвида и Джулии Джерри. М.: Вече-АСТ. 1999.
5. *Казакова О.Ю.* Фронт в интерпретации Алексисом де Токвилем социокультурного развития США // США ❖ Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 1. Р. 89–102.
6. *Пауэлл Т.* Кельты. М.: Центрполиграф. 2009. 236 с.
7. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1982.
8. *Anerson S.* Race and Rapprochement. Anglo-Saxonism and Anglo-American Relations, 1895–1904. Rutherford. Madison. Teaneck. Fairlee: Dickinson University Press; London and Toronto: Associated University Press. 1981.
9. *Barltrop R.* Jack London. London: Pluto Press, 1976.
10. *Berard V.* British Imperialism and Commercial Supremacy. London: Longmans, Green and Co. 1906.
11. *Berge W.* The Impulse for Expansion. Ph. D. diss. Vanderbilt University. 1960.
12. *Beveridge A.* The Russian Advance. New York and London: Harper & Brothers. 1903.
13. *Blanche E.* Dugdate. Arthur James Balfour, First Earl of Balfour, K.G., O.M., F.R.S., Etc. 2 vols. London: Hutchinson & Co. 1936.
14. *Cabot Lodge H.* A Frontier Town and Other Essays. New York: Charles Scribner's Sons. 1906.
15. *Carnegie A.* Does America Hate England? // Contemporary Review 72. November 1897.
16. *Colquhoun A.* China in Transformation. New York and London: Harper & Brothers, 1898.

17. The Course of Civilization // United States Magazine and Democratic Review. 06.09.1839.
18. *Darwin Ch.* The Descent of Man and Selection in Relation to Sex. 2 vols. London: J. Murrey. 1871.
19. *Dacey E.* The Rival Empires, Nineteenth Century and After. December 1903.
20. *Dilke Ch.* Greater Britain. 3rd ed. London: Macmillan. 1869.
21. *Dos Passos J.* The Anglo-Saxon Century and the Unification of the English-Speaking People. New York and London: G.P. Putnam's Sons. 1903.
22. *Fansler Behrman C.* The Methodology of British Imperialism. Ph.D. diss. Boston University. 1965.
23. *Freeman E.* The Growth of English Constitution from Earliest Times. London: Macmillan. 1872.
24. *Garvin J.* The Life of Joseph Chamberlain. 3 vols. London: Macmillan. 1932–1934.
25. *Gosse E.* The Literature of Action // North American Review. January 1899.
26. Hay to Roosevelt // Hay Papers. 3.09.1903.
27. *Hosmer J.* A Short History of Anglo-Saxon Freedom. New York: Charles Scribner's Sons.
28. *Kidd B.* Social Evolution. 2nd ed. New York and London: Macmillan. 1895.
29. *Kipling R.* Something of Myself for My Friends Known and Unknown. Garden City, N.Y.: Doubleday, Doran & Co., 1937.
30. *London J.* The Daughter of Snow. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1902.
31. *Mahan A.* The Problem of Asia and Effect upon International Policies. Boston: Little, Brown and Co., 1900.
32. *Mills D.* Which Shall Dominate – Saxon or Slav? // North American Review. 166. June 1898.
33. Marquess of Crewe. Lord Rosebery. New York and London: Harper & Brothers, 1931.
34. *Murrey S.* The Peace of the Anglo-Saxons. London: Watts & Co., 1905.
35. *Nish I.* The Anglo-Japanese Alliance. London: Athlone Press of the University of London. 1966.
36. T. Roosevelt to Spring Rice. 19.03.1904. Letters to Roosevelt. Roosevelt to Spring Rice. 5.08.1896.
37. *Samuels E.* Henry Adams: The Major Phase. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1964.
38. *Sobel R.* Herbert Hoover at the Onset of the Great Depression, 1929-1930. Philadelphia, 1975.
39. *Strong J.* Our Country. New York: American Home Missionary Society, 1885.
40. *Stubbs W.* The Constitutional History of England in 1st Origin and Development. 3 vols. Oxford: Clarendon, 1880.
41. *Wilson W.* Bryce's American Commonwealth // Political Science Quarterly. 04.03.1889.
42. *Wintrop J.* (http://en.wikipedia.org/wiki/John_Wintrop).
43. *Ziff Larzer* (quotation of Moran of the Lady Letty). The American 1890s. New York: Viking Press, 1966.